

Уильям Теккерей

Жена Денниса Хаггарти

Перевод с английского
Э.Березиной

ФТМ

Уильям Теккерей
Жена Денниса Хаггарти

«ФТМ»

Теккерей У. М.

Жена Денниса Хаггарти / У. М. Теккерей — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2825-1

Теккерей Уильям Мейкпис (1811-1863) давно занял свое заслуженное место среди классиков мировой литературы, и сегодня уже никто не сомневается в силе его дарования и значении его наследия. Повесть в переводе Э.Березиной "Жена Денниса Хаггарти" - это рассказ о злоключениях Денниса Хаггарти, выбравшего себе в жены на первый взгляд благопристойную и бесхитростную женщину.

ISBN 978-5-4467-2825-1

© Теккерей У. М.

© ФТМ

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Уильям Мейкпис Теккерей ЖЕНА ДЕННИСА ХАГГАРТИ

Несколько лет тому назад в «Королевской» гостинице в Лемингтоне часто останавливалась вместе с дочерью одна препротивная ирландка, майорша миссис Гам. Гам был примерным офицером на службе его величества, и только смерти и дражайшей супруге удалось его сокрушить. Облачившись в бамбазин – самый миленький, какой можно было сыскать за деньги, – безутешная вдова объехала своих знатных и не очень знатных друзей, оставляя в каждом доме громадные визитные карточки, которые обрамляла полоса, окрашенная черной краской из ламповой сажи, по меньшей мере в полдюйма шириной.

Кое-кто из нас, к стыду нашему, называл ее «миссис Шум и Гам», ибо сия достойная вдова имела обыкновение распространяться о себе и своих родственниках (родных мужа она ставила весьма низко) и без конца хвасталась чудесами отцовского поместья Молойвиль, в графстве Мэйо. Род ее шел от Молоев этого графства; и, хоть я прежде ничего не слышал ни о каких Молоях, я нимало не сомневаюсь, положившись на ее рассказы, что это древнейшая и знатнейшая фамилия в той части Ирландии. Помнится, тетушку свою приехал навестить молодой человек с пышными рыжими бакенами, носивший зеленый сюртук, узкие панталоны и немыслимую булавку в галстук; уже на третий день пребывания на водах он сделал предложение мисс С..., пригрозив в случае отказа вызвать на дуэль ее отца; этого молодого человека, развезжавшего в двухколесном экипаже крикливой окраски, запряженном караковой и серой лошадьми, миссис Гам с великой гордостью нам представила как Каслрея Молоя из Молойвиля. Все мы сошлись в том, что он был несноснейшим из снобов сезона, и не без удовольствия узнали, что его разыскивает судебный исполнитель.

Вот, собственно, и все, что мне известно о семействе Молоев, но где бы вы ни встретились с вдовой Гам и о чем бы ни завели разговор, вы непременно о них услышите. Если за обедом вы предложите ей зеленого горошка, она скажет: «О сэр, после молойвильского горошка мне уже никакой другой не может прийтись по вкусу, не правда ли, Джемайма, сокровище мое? Первый раз нам подавали его в июне, и батюшка по такому случаю жаловал старшему садовнику гинеею (у нас было три садовника в Молойвиле), и посылал его с квартой горошка и с нижайшим поклоном к нашему соседу, милейшему лорду Мароуфету. Что за очарование Мароуфетский парк! Не так ли, Джемайма?» Если мимо окна проедет экипаж, майорша Гам не преминет сказать вам, что в Молойвиле было три экипажа «коляска, каб-виолет и довмез». Подобным же образом она не поленится перечислить вам поименно всех ливрейных лакеев в фамильном поместье; при посещении Уорикского замка (эта неугомонная женщина не пропускала ни одной увеселительной поездки из гостиницы) она давала нам понять, что тамошняя великолепная набережная ни в какое сравнение не идет с главной аллеей Молойвильского парка. Мне удалось так обстоятельно рассказать вам о миссис Гам и ее дочери потому, что в ту пору, говоря между нами, я весьма интересовался некоей молодой особой, папаша которой поселился в «Королевской» гостинице и проходил курс лечения у доктора Джефсона.

Джемайма, которую миссис Гам призывала в свидетели, как вы «сами понимаете, доводилась ей дочерью, и мать называла ее не иначе как: «Джемайма, доченька моя ненаглядная!», или «Джемайма, сокровище мое!», или же «Джемайма, ангел ты мой!». Жертвы, которые миссис Гам, по ее словам, приносила ради дочери, были неисчислимы. Одному богу известно, говорила майорша, сколько денег она затратила на ее учителей, от скольких болезней она выходила свою дочь, как беззаветна ее материнская любовь. В столовую они обыкновенно входили, обняв друг дружку за талию; за обедом, в ожидании следующего блюда, мать и дочь сидели, взявшись за руки; а если за стоном присутствовали хотя бы два-три молодых

человека, майорша, покамест разливали чай, не упускала случая несколько раз поцеловать свою Джемайму.

Что касается мисс Гам, нельзя сказать, чтобы она была хорошенькая, но, говоря по совести, нельзя назвать ее и дурнушкой. Скорее, ни то ни се. Она завивала волосы колечками, носила ленту вокруг лба, пела всего-навсего четыре песенки, которые изрядно приедались после нескольких месяцев знакомства; у нее были чрезмерно оголены плечи; она имела обыкновение нацеплять на себя всевозможные дешевые украшения, кольца, броши, *feronieres*¹, флакончики с нюхательным спиртом, и, как нам казалось, была всегда шикарно одета, хотя старая миссис Рысь намекала, что все платья Джемаймы и ее матушки по несколько раз перелицовывались и что от штопки чулок у нее слезятся глаза.

Глаза у мисс Гам были очень большие, однако слабые и красноватые, и она бросала выразительные взгляды на каждого неженатого мужчину. И хотя вдова усердно посещала балы, сопровождала в наемном кабриолете все охоты с борзыми, хотя она не пропускала ни одной службы в церкви, где Джемайма пела громче всех, за исключением разве псаломщика, и хотя любой джентльмен-англичанин, составивший счастье Джемаймы, удостоился бы приглашения в Молойвиль, где его поджидали три лакея, три садовника и три экипажа, ни один из джентльменов не отважился сделать ей предложение. Старая миссис Рысь говорила, что за последние восемь лет мать о дочерью побывали в Тонбридже, Харроугете, Брайтоне, Рамсгете и Челтнеме, но им повсюду одинаково не везло. Вдова, пожалуй, и впрямь чересчур высоко метила для своей ненаглядной доченьки; а поскольку она, как это свойственно многим ирландцам, с презрением смотрела па людей, зарабатывающих свой хлеб трудом или коммерцией, и поскольку резкие манеры и ирландское произношение этой женщины не могли нравиться степенным английским сквайрам, Джемайма – чистый, нежный цветок, – быть может, уже слегка поблекший и высохший, все еще оставалась у нее на руках.

Как раз в это время в Уидонских казармах был расквартирован 120-й полк, и в полку состоял младшим лекарем некий Хаггарти, поджарый, сухощавый мужчина высокого роста, с огромными ручищами, вывернутыми внутрь коленями и с морковного цвета бакенами, вместе с тем честнейший малый, когда-либо державший в руках ланцет. Хаггарти, как показывает фамилия, был той же нации, что и миссис Гам, более того, этот честный врач обладал некоторыми общими с вдовой чертами характера и хвалился своим семейством, пожалуй, не меньше, чем она. Не знаю, какой именно частью Ирландии правили его предки, но королями они, несомненно, были, подобно предкам многих тысяч ирландцев; во всяком случае, они занимали весьма почетное положение в Дублине, «где моего батюшку, – говорил Хаггарти, – знают так же хорошо, как статую короля Уильяма и где у него, смею вас заверить, собственный выезд».

Насмешники не замедлили прозвать Хаггарти «Собственный выезд», а иные потрудились навести о нем справки у миссис Гам.

– Миссис Гам, когда вам случалось выезжать из Молойвиля на балы лорда-наместника или принимать гостей в своем доме на Фицуильям-сквер, вы встречали в светском обществе знаменитого доктора Хаггарти?

– Вы имеете в виду лекаря Хаггарти с Глостер-стрит? Этого мерзкого паписта! Неужто вы допускаете, что Молой сядут за один стол с таким субъектом?

– Как, разве он не самый знаменитый в Дублине врач, и разве он не держит в столице собственный выезд?

– Это ничтожество? Он держит аптеку, доложу я вам, а сыновей посылает разносить лекарства. Четверо – Улик, Фил-Геренс и Денни служат где-то в армии, и лекарства теперь разносит Чарльз. Вы спросите, от кого я могла узнать об этих мерзких папистах? Их мать,

¹ Диадемы (франц.).

урожденная Бэрк из Бэрктауна, что в графстве Каван, принесла лекарю Хаггарти две тысячи фунтов. Она была протестантка, и я никогда не могла понять, с чего это ей вздумалось выходить за ничтожного аптекаря, за это папистское отродье.

Судя по осведомленности вдовы, я склонен подозревать, что дублинцы проявляют не менее жгучий интерес к своим соседям, чем обитатели английских городов; весьма вероятно также, что рассказ миссис Гам о юных Хаггарти, разносивших лекарства, вполне достоверен, ибо некий прапорщик из 120-го полка изобразил достойного врача выходящим из аптекарской лавки с клеенчатой сумкой под мышкой, и вспыльчивый доктор был так взбешен этой карикатурой, что непременно вызвал бы молодого офицера на дуэль, если бы ему не помешали.

Словом, Дионисиус Хаггарти был человек на редкость горячий, и случилось так, что из всех посетителей курорта, из всех приезжих в Лемингтон, из всех кавалеров Уорикшира, молодых фабрикантов из Бирмингема, молодых офицеров из соседних казарм, к несчастью для мисс Гам и для самого Хаггарти, он оказался единственным мужчиной, на которого чары этой девушки возымели действие. Он держался, однако, скромно и деликатно, ничем не обнаруживая своих чувств, ибо питал глубочайшее уважение к миссис Гам и, по своей наивности и простодушию, искренне верил, что эта леди значительно превосходит его не только происхождением, но и воспитанием. Разве мог надеяться он, незаметный врач, с какой-то жалкой тыщонкой фунтов, оставленной ему в наследство тетушкой Китти, – разве мог он надеяться, что девушка из семейства Молойвилей когда-нибудь снизойдет до него?

Как бы там ни было, разгоряченный страстью и выпитым вином, Хаггарти, чья восторженная любовь стала в полку притчей во языцех, поддался уговорам подтрунивавших над ним товарищей и однажды на пикнике в Кенилворте сделал предложение по всей форме.

«Уж не забыли ли вы, мистер Хаггарти, что говорите с урожденной Молой», – вот все, что ответила ему величественная вдова, когда трепещущая Джемайма отослала своего поклонника, как полагается, к «мама». Окинув бедного малого уничтожающим взглядом, миссис Гам подобрала свою мантилью и шляпку и вызвала наемный Экипаж. Она не преминула рассказать всем и каждому в Лемингтоне, что сын аптекаря, этого мерзкого паписта, осмелился сделать ее дочери предложение (насколько мтте известно, предложение руки и сердца, от кого бы оно ни исходило, не причиняет вреда), и оставила Хаггарти в крайнем унынии.

Отчаяние бедняги немало удивило его однополчан, равно как и других знакомых, ибо молодая леди не была красавицей, и вряд ли Деннис мог рассчитывать на какое-либо приданое, сам же он не производил впечатление романтической природы, и со стороны казалось, что он предпочтет хороший бифштекс и пунш из виски самой обворожительной женщине.

Однако не подлежит сомнению, что в груди застенчивого, неуклюжего, грубоватого малого билось нежное и куда более горячее сердце, чем у иного денди, прекрасного, как Аполлон. Сам я не способен понять, что заставляет человека влюбиться, но хвалю его, не задумываясь над тем, в кого он влюбился и почему. Это чувство, я полагаю, в такой же степени не подвластно человеку, как цвет его волос или восприимчивость к оспе. Итак, ко всеобщему удивлению, младший лекарь, Дионисиус Хаггарти, влюбился не на шутку; мне рассказывали, что он чуть не зарезал большим столовым ножом упомянутого молодого прапорщика за то, что тот посмел нарисовать вторую карикатуру, изобразив «леди Шум и Гам» и Джемайму в фантастическом парке, окруженных тремя садовниками, тремя колясками, тремя ливрейными лакеями и дормезом. По отношению к Джемайме и ее матушке он не допускал шуток. Он стал угрюм и раздражителен. Он проводил гораздо больше времени в приемной и в лазарете, чем в офицерской столовой. Теперь он даже потерял вкус к бифштексам и пудингам, которые прежде поглощал в несметных количествах; а когда после обеда снимали скатерть, он уже не опрокидывал дюжину бокалов вина и не выводил своим ужасно

визгливым голосом ирландские мелодии, а удалялся к себе, или одиноко прогуливался взад и вперед по казарменному двору, или же, подгоняя хлыстом и шпорами свою серую кобылу, неся во весь опор по дороге в Лемингтон, где все еще (хоть и незримо для него) пребывала его Джемайма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.